

250      Никогда так много не говорили о культуре, как в наши дни. Быстрее, чем химия, выросла новая большая область литературной промышленности, так называемая критика культуры. Плотность населения, развитие науки, избыток свободного времени, успехи массовой информации — все привлекается к ответу для объяснения морального кризиса XX века. Одни говорят о трагедии культуры, другие — о непонятном беспокойстве, утрате внутреннего равновесия среди невиданного потока материальных благ. Один известный автор выбрал эпиграфом к своему сочинению слова Ренана: «Мы вдыхаем аромат опустевшей вазы», другой напомнил предсказание Сивиллы: «Наступает ночь».

Мотивы этой критики очень разнообразны. Читая многих ее воинственных представителей, легко заметить, что само слово «культура» приобретает у них полемическую горечь. Нападки на массовое общество, растворяющее ценности культуры в пресной воде большинства, известные еще XIX веку (достаточно вспомнить таких писателей, как Бурже), имеют ясный оттенок реакционной тенденции. В них отразилась обида на всемирную историю, которая ставит под сомнение право обеспеченного меньшинства наслаждаться комфортом за счет остального мира, ненависть к массам, делающим эту историю при определенных условиях, от них не зависящих и не известных в прежние времена. «Стадность», «растворение в массе», «пролетаризм», «потеря пиетета», «дезагрегация» и так далее, вплоть до ужасной картины, изображающей будущего Лейбница, которому невежественная толпа запрещает заниматься его тонкими изысканиями, — все эти и многие другие, еще более мрачные предвидения, еще более ядовитые характеристики наполняют книгу за книгой.

Впрочем, не следует преувеличивать. Каждому автору, стоящему в недоумении перед бессмыслицей жизни, нельзя приписывать коварную цель отравить общественное сознание ядом пессимизма. Все растет, растут и тени вещей, в том числе и самых прогрессивных. Тот, кто заметил этот факт, плохо или хорошо он выразил свое наблюдение, есть все же свидетель, которого нужно выслушать. Другое дело — чем объяснить, что все великие силы цивилизации несут

в себе возможность обратного действия, и где найти решающий выход из этого странного противоречия?

Сто лет назад Маркс ответил на этот вопрос. Капитализм является последней, самой развитой и самой противоречивой формой развития общественных сил в рамках классового неравенства. Развитие этих сил достигло такого уровня, что общество стоит перед выбором — или перешагнуть заветную грань и победить устаревшую форму своих собственных отношений, или погибнуть. И пока реальная история ценою многих жертв и ошибок не сделает свой практический выбор, не нащупает верный путь, внешние симптомы упадка, внушающие пророкам регресса их патетические жесты, неизбежны.

В речи на юбилее чартистской «Народной газеты» 14 апреля 1856 года Маркс сказал: «В наше время все как бы чревато своей противоположностью. Мы видим, что машины, обладающие чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приносят людям голод и изнурение. Новые, до сих пор неизвестные источники богатства благодаря каким-то странным, непонятным чарам превращаются в источники нищеты. Победы техники \* как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что, по мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы» (12, 4).

С тех пор как были произнесены эти слова, многое изменилось. Поздний капитализм имеет свои особенности, и некоторые из признаков указанного Марксом антагонизма «между современной промышленностью и наукой, с одной стороны, современной нищетой и упадком — с другой» кажутся теперь отодвинутыми на задний план. Другие, напротив, бросаются в глаза и служат постоянным предметом для рассуждений «злополучных пророков регресса», как называет их основатель марксизма. Но в целом картина, нарисованная Марксом, не утратила своей силы. Скорее наоборот — черты упадка и ретроградного движения среди подъема общественного богатства поражают современный ум еще более ярким контрастом черного и белого. «В наше время все как бы чревато своей противоположностью» — это еще более верно сегодня, чем вчера.

Глядя на то, какие дикие формы принял бунт современной цивилизации против ее же собственной узости, смешно говорить о том, что марксизм устарел. Кипящая в своем адском котле стихия капитала ищет выхода в больших и малых войнах. Постоянное возбуж-

---

\* В оригинале «art», искусства.

дение, созданное неравномерным, катастрофическим развитием экономики, сохраняющим крайнюю напряженность даже в пределах расширенной фазы подъема, тяжкий гнет монополий, невидимо управляющих судьбой миллионов людей, мучительный страх перед хаосом современного города, — все это отражается в жизни каждой отдельной личности и заражает общество нравственной лихорадкой, способной вызывать массовые психозы. Лишенный возможности влиять на свою судьбу, человек даже в сытом благополучии не находит покоя, и рост преступности, наркомании, пьянства становится для него отдушиной, заменителем личной самодеятельности. Все удивительные чудачества, озаренные сиянием рекламы, от сексуальных капризов до абстрактного искусства, весь этот новый Вавилон, кричащая бессмыслица модной жизни, пьяная греза для толпы — все из того же источника, имя которому: обманутые ожидания. Капитализм только более широко, на деловую ногу поставил эксплуатацию подавленного чувства свободы, извлекая из него не только общественную пользу для себя, но и деньги. Само по себе это средство отупления было известно всем правящим классам прежних исторических эпох.

Пока образованные и утонченные, даже слишком утонченные критики современной культуры пишут о противоречиях европейского Просвещения, действительное просвещение в его самых старых, элементарных позициях находится под угрозой. Уже предки нынешних держателей акций повернулись спиной к Вольтеру. Буржуазное общество дает толчок развитию естествознания, и все же религия, мистика, спиритизм, астрология, «тайные науки» сохраняют свой темный угол в душе обывателя. Но кто бы мог подумать, что эпоха реактивных самолетов окажется самой благоприятной для оживления этих призраков прошлого? Перед нами зловещий факт — наступление темных сил на человеческий разум, едва проснувшийся от тысячелетнего сна. В середине XX века большая ежедневная печать сообщает о чудесах, происходящих в глухой португальской деревушке или в центре одной из мировых столиц. На пороге будущего мира, который авторы фантастических романов представляют в виде большой научной лаборатории, фабрика темных идей работает день и ночь.

Автор одной французской книги приводит следующие данные о распространении шарлатанства, известного под именем астрологии. В Соединенных Штатах имеется, по крайней мере, тридцать тысяч астрологов. Двадцать специальных астрологических журналов исследуют вопрос о влиянии небесных светил на человеческую судьбу, причем одно из этих изданий выходит тиражом в пятьсот тысяч экземпляров. Более двух тысяч газет имеют постоянный отдел астрологии. Радио также уделяет достаточно времени отгадыванию будущего по звездам. После серии радиобесед некая мисс А. в течение трех месяцев получила пятьсот пятьдесят тысяч заказов на составление гороскопа. По данным одной анкеты, пять миллионов американцев ежегодно уплачивают двести миллионов долларов за

гороскопы и другие виды гадания. Во времена Нострадама астрология не могла рассчитывать на такую блестящую карьеру! \*

Но астрология и другие виды практического суеверия образуют только низший этаж этой фабрики темных идей. Несколько выше расположены всякого рода псевдонауки, представленные обскурантами с ученым титулом. От астрологии, например, немногим отличается космобиология, имеющая свои ассоциации, свои международные съезды, свою печать. Космобиология утверждает, что колебанием солнечной активности вызываются на земле не только магнитные бури, но и такие явления, как мировые войны и экономические кризисы. Парижская коммуна соответствовала трехмесячной буре на солнце, а мюнхенская сделка 1938 года зависела от слишком большой дозы ультрафиолетового излучения. Казни Людовика XVI и Николая II были вызваны избытком солнечной активности. Вообще революции — только приступы нездоровой энергии под влиянием солнечных пятен и вспышек сверкающего газа.

253

Трудно поверить, что темное облако суеверий растет в такое время, когда наука и техника открыли перед населением земли широкие горизонты вселенной. И все же это так. Давно уже перестали удивляться современному возрождению средневековой схоластики, представленной множеством ученых организаций и университетов, потоком книг и статей.

Но суть дела не в этих отдельных черточках, свидетельствующих о движении буржуазной культуры вспять. Поворот к средним векам, давно уже объявленный ближайшей задачей общества такими известными мыслителями, как Жильсон, Кристофер Даусон или Бердяев, — ничто по сравнению с действительным омертвлением всей духовной жизни, благодаря подчинению ее капиталистической системе «услуг». Если в прежние времена честный писатель отстаивал свободу мысли в безнадежной борьбе против денежного мешка, то в наши дни даже роль Дон Кихота для него слишком хороша.

Не в качестве властителя дум, а в качестве маленького человека, специалиста, способного исполнить определенную функцию, стоит он у ворот громадного здания, где совершается процесс духовного сервиса. В этом здании много отдельных комнат, сияющих оригинальной отделкой, но между ними протянуты невидимые крепкие нити, и все эти нити сходятся наверху, где в атмосфере полного равнодушия к содержанию дела, то есть к искусству и науке, восседают действительные властители дум, чья власть состоит не в идеях, а в материальной силе.

Ветераны буржуазной критики марксизма и новобранцы из вчерашних марксистов пишут о росте интеллигенции за счет рабочего класса. Они выводят отсюда возможность контроля со стороны со-

---

\* Более поздние сведения: согласно одной анкете, проведенной во Франции в 1968 г., из шести тысяч мужчин и женщин 60% читают гороскопы. Согласно данным другой анкеты, 58% французов интересуются астрологией, 23% верят в предсказания будущего. Из них 73% женщин. В настоящее время во Франции примерно тридцать тысяч астрологов.

знательных элементов общества над экономикой и культурой буржуазного общества. На деле происходит обратное — дальнейшее подчинение всей области духовного творчества законам материального производства, присущим капитализму.

254

В экономической и художественной литературе современного Запада можно найти немало примеров, подтверждающих этот факт. Салеризованный, превращенный в служащего или в «надомника» культуры, человек духовного труда повсюду встречает готовые трафареты, или он должен угадывать возможные формы оригинальности, лежащие в русле общего движения этой системы. Даже крупные таланты с трудом находят возможность для независимого слова, и даже критика капитализма входит или, по крайней мере, может войти в стихийный расчет преобладающей общественной силы в качестве необходимой отдушины. Так, говоря словами Маркса, возможности «свободного духовного производства данной общественной формации» (в отличие от «идеологических составных частей господствующего класса») заметно сократились в наши дни.

Все помыслы рядового служителя культуры, подчиненные коммерческой цели или не чуждые ей, направлены на то, чтобы угодить потребителю, но потребитель его услуг, предлагаемых в виде газетных статей, радиопостановок или других развлечений, сам является рабом той системы, которая его обслуживает. Страшен образ современного обывателя, человека-саламандры, созданный художественной литературой. Зовут ли его Бэббит или Тьюлер, заслуживает ли он сожаления или ненависти — этот человек с головы до пят, от галстука до политических мнений и любовных фраз, является продуктом рекламы, радио, кинематографа, этой «фабрики грез», больших газет и всей машины обслуживания, предлагающей ему свой духовный конфекцион.

Это целиком «манипулированное существо», как принято говорить в современной западной социологии. У него нет главного — самого себя. «Жизнь отнята у него различными учреждениями и мероприятиями, — пишет известный немецкий социолог Ганс Фрайер, — или, по крайней мере, она поставляется ему, как прочие патентованные товары. Человека живут. Единственное, что от него требуется, — это чтобы он приспособлялся, и, по возможности, не только внешне, но и внутренне».

Нельзя сказать, чтобы это существо, лишенное центра в самом себе, целиком составленное из внешних влияний (other directed man, по терминологии Дэвида Рисмена), спокойно принимало свою участь. Обыватель до смерти боится всякой идеологии, понимая под этим очередную иллюзию, созданную той или другой манипулирующей силой. Он боится стать «завербованным». От полного доверия ко всякой навязанной фразе он переходит к столь же крайнему скептицизму. Ему кажется, что единственным выходом, достойным человека, является бегство в свою специальность, в свою особую функцию, которую он желает исполнить по всем правилам искусства. Что он делает — работает на мельницу войны или ре-

кламирует негодные пилюли,— не имеет значения. Не говорите ему о содержании его деятельности, ибо самый разговор об этом является в его глазах идеологией, пропагандой, то есть приманкой для дураков. Важны только мастерство, форма, последнее прибежище личной свободы. Такая поза имеет успех. Ее описывает другой западногерманский социолог — фон Шельски под именем «конкретизма».

Но так как внутренняя ценность духовной жизни зависит прежде всего от ее содержания, то все подобные уловки не могут вернуть личности утраченное достоинство. Лишенные истинного содержания, средства культуры и формы ее распространения, созданные современным знанием, обращаются против нее самой. И человек-саламандра становится ниже после изобретения кинематографа, еще ниже после изобретения радио и телевизора. Поразительные достижения культуры соединяются с явными признаками упадка.

Драматических описаний этой превратной логики вещей в современном «массовом обществе» слишком достаточно. Они даже превратились в ходячую банальность. Разрабатывая эту тему с различных точек зрения, можно писать романы и пьесы, продолжая расшатывать и без того неустойчивую психику человека-саламандры, внушая ему сознание бессмыслицы всех его затей. Здесь открывается широкое поле для остроумия, для поражающих, неожиданных, парадоксальных литературных приемов. И если это делается с профессиональной честностью, то сама критика культуры может стать и действительно становится одной из форм современного «конкретизма», то есть бегства в техническое совершенство исполнения, безразличное к содержанию дела. Искусство вызывать тошноту, отвращение к окружающему миру, сознание торжествующего абсурда, иррациональной основы человеческого существования давно уже стало особой специальностью, имеющей свою рациональную технику, как всякий труд.

При известной склонности ума эта критика культуры легко переходит в критику марксизма. Для образованной толпы очевидно, что прогресс общественного сознания не совершается вместе с развитием экономической основы общества. Думать так можно было только во времена керосиновой лампы, когда парадоксия «массового общества» еще не достигла современного уровня. Маркс, говорят нам, слишком верил в логику исторического процесса, в его *harpy end*. Он вышел из школы Гегеля и сохранил большое почтение к «логодидее» великого идеалиста — оправданию разума в мировой истории. А где вы видите этот разум?

Ведь даже с точки зрения конкретных ожиданий Маркса дело пошло иначе. Капитал, объявленный загнивающим, поднял уровень потребления народных масс, пустил в оборот налоги и нашел средство против периодических кризисов. Профессора и студенты, вышедшие из состоятельных классов, увлекаются марксизмом, а пролетарии, организованные в большие профсоюзы, ничего не знают о нем. Даже в стране Карла Маркса рабочие могли поверить Гит-

леру. Страшные иррациональные силы, вступившие в действие начиная с 1914 года, вернули общество ко временам массовых истреблений и пыток. В некоторых странах обыватель сходит с ума от разнообразия средств потребления, которые он может купить, между тем моральное состояние общества ужасно. Образованные люди стремятся к обычаям дикарей, конфликт между поколениями дает себя знать везде, кривая самоубийств растет...

И все это является опровержением марксизма? Действительно, многое совершилось не так, как можно было ожидать, исходя из опыта классово-борьбы прошлого века. Пережив особенно тяжкий для себя момент после первой мировой войны, капитализм отсрочил свой исторический приговор. Как и почему это произошло — другой, более конкретный вопрос. Но разве за эту отсрочку мир не заплатил той ужасной ценой, которую так подробно и с такими эффектными деталями рисует современная критика культуры?

256

Никогда основатели марксизма не утверждали и, опираясь на выработанный ими диалектический метод, не могли утверждать, что реальный ход истории человечества совершается под влиянием чисто рациональных причин или происходит, пользуясь выражением Герцена, по заранее установленному либретто. Нет, в этом запутанном, зигзагообразном и бесконечно противоречивом движении мы часто встречаемся с явлениями иррациональными, бессмысленными, уродливо-нелепыми и тем не менее потрясающе реальными. И разум и неразумие есть в действительности вокруг нас — иначе нам неоткуда было бы взять эти измерения, которые мы затем в обычном для нашей головы упрощении прилагаем к окружающему миру.

Французская поговорка гласит: *la raison finira toujours par avoir raison* (разум в конце концов будет прав). Но как он докажет свою правоту, мы не можем заранее знать. Этот вопрос решается не нашими фразами о вере в разумное, доброе и прекрасное, не нашим желанием видеть все в образцовом порядке, созданным слабой человеческой абстракцией. Он решается действительным ходом вещей, равнодействующей множества сил. Мы можем только сказать, что французская поговорка верна, ибо заключенная в ней истина подтверждается даже своей собственной противоположностью. Если разумное не стало действительным в прямой исторически возможной форме, оно дает себя знать своим обратным действием в явлениях, поражающих ум чредою иррациональных образов или, вернее, несообразностей, на первый взгляд совершенно бессмысленных.

Так, например, то обстоятельство, что страны, потерпевшие поражение во время второй мировой войны, оказались в экономическом отношении впереди других, само по себе вызывает недоумение, но в рамках капиталистического хозяйства это не простая бессмыслица, а нелепо закономерный факт, как хорошо показал еще Норман Энджел в своей книге «Великая иллюзия», сделав из этого факта аргумент в пользу пацифизма. Противники учения Маркса часто ссылаются на успехи государственного регулирования экономики в капиталистических странах. Итак — законы капитализма, установ-

ленные Марксом, нарушены. Что же из этого? Даже законы природы человек может нарушить — на то он и человек, обладающий знанием и волей. Принимая, например, какие-нибудь возбуждающие средства, он искусственно повышает свою жизнедеятельность, однако вспомните историю «набоба» Альфонса Доде. В конце концов законы свое возьмут, как это уже не раз бывало, а пока дело прояснится и «разум будет прав», он доказывает свою правоту нагромождением всяких болезненных симптомов, неотразимых признаков хаоса и расстройств. Таково вообще происхождение всех странностей исторического процесса, питающих манерные теории поклонников иррационального как истины существования.

Только слепой может сказать, что история отклонилась от пути, указанного Марксом, на том основании, что она отвечает одним уродством на другое и делает условия, в которых должна решиться судьба устаревшего строя жизни, все более сложными, по мере того как дело затягивается и буржуазное общество под звуки духового оркестра оптимистов и пессимистов переживает свой двадцать пятый час. Симптомы болезни, загнанной внутрь, описаны громадной литературой последних лет, и эти знамения регресса не обещают счастливой развязки.

Для того чтобы подтвердить справедливость диагноза социальной болезни, заключенного в учении Маркса, нет надобности отрицать реальные изменения, происшедшие в современном мире, нет надобности закрывать глаза на то, что капиталистическое общество может вернуть себе временное процветание и достигнуть чего-то похожего на «золотую осень», предсказанную ему в конце 40-х годов известным Германом Раушнингом. Ни один общественный строй не уходит со сцены без подобных колебаний судьбы. Достаточно вспомнить затянувшийся процесс умирания античного способа производства, а современный капитализм далеко еще не достиг того относительного умиротворения, которым пользовалась римская цивилизация при Антонинах.

Справедливость марксистского анализа современной исторической обстановки лучше всего подтверждается теми явлениями жизни, которые приводят для того, чтобы его опровергнуть. В начале нашего века марксизм с его «теорией социальной катастрофы» уже был однажды признан устаревшим. Но сладкое время великого ожирения старой Европы сменилось ее «закатом». Тот факт, что правящим классам удалось отвести грозу социальной революции и подавить сознание народных масс идеями шовинизма, обернулся для старого мира страшной угрозой, когда грянула война 1914 года. В конце войны осуществились пророческие слова Фридриха Энгельса, и старое общество лежало в развалинах.

«Империалистская война,— писал Ленин в 1917 году,— война величайших и богатейших банковых фирм — «Англия» и «Германия» — из-за господства над миром, из-за дележа добычи, из-за ограбления малых и слабых народов, эта ужасная и преступная война разорила все страны, измучила все народы, поставила чело-



вечество перед дилеммой: погубить всю культуру и погибнуть или революционным путем свергнуть иго капитала, свергнуть господство буржуазии, завоевать социализм и прочный мир»\*.

258

*Мировая революция*, пламенная мечта миллионов на исходе ужасной войны, в своем отвлеченно-глобальном виде не совершилась, но то, что произошло начиная с Октября 1917 года, обратно уже не возьмешь. Этого было достаточно, чтобы заставить правящие классы западных стран искать путей *мировой реформы*. Второй жестокий урок, полученный плутократией Западной Европы и Америки в 30—40-х годах, еще более усилил эту тенденцию. Еще одна попытка перехитрить законы истории привела к обратным результатам и поставила богатейшие капиталистические страны на край пропасти. Волей-неволей действительным хозяевам «западного мира» пришлось пойти на выучку к социализму Маркса, — конечно, так, как это возможно для их классовых целей.

И вот откуда второе дыхание старого общества и весь этот поворот истории, который представляется критикам Маркса опровержением его идей. Удивительный факт! Своим временным и шатким процветанием капитализм обязан социальной революции нашего века. Факт сам по себе нелепый, иррациональный, но тем не менее действительный. Уступки, сделанные народным массам у себя дома и в колониях, оказались для буржуазной экономики более благодетельными, чем все кровавые расправы от Кавеньяка до Гитлера и все колониальные грабежи, начиная с захвата сокровищ Мексики и Перу. Будучи проведены в качестве вынужденной меры, как бывало и раньше после каждой революции, эти уступки дали неслыханный толчок внутреннему рынку и позволили капиталистической промышленности нащупать золотоносную жилу, которая питает ее до сих пор. Разум оказался прав, хотя и в самой иррациональной форме.

Итак, если не логодицея, то далеко не бессмыслица — вот что можно понять при самом общем взгляде на мировые события нашего времени. И этот вывод подтверждается глубоким моральным кризисом, растущим из временных успехов капитализма, с таким торжеством превращенного в «общество изобилия» и «государство благополучия». Да, именно благополучие нередко вызывает страшное отвращение к жизни, задевшее большие массы людей со всеми вытекающими отсюда последствиями — жадной добровольного одичания, порывами бессмысленного насилия, различными проявлениями социальной истерии, которые уже примелькались и кажутся даже нормальными признаками современной культуры.

Откуда же это обратное действие богатства современного капиталистического мира, откуда эта связь «успехов техники» с «моральной деградацией», по известному нам выражению Маркса? Почему, например, такая сытая и культурная страна, как Швеция, страна умеренности и аккуратности, поражает наблюдателей упадком нра-

---

\* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 169.

вов и анархическим брожением молодежи? Существуют разные имена для заклинания этого беса, но, как ни называй его — отчуждением или неустройством среди культуры (*das Unbehagen in der Kultur*) — и как ни старайся утешить себя тем, что у других свои заботы и неустройства, факт остается фактом: буржуазное общество не нашло себе благодати и в тех успехах материального существования, которые явились следствием созданной им в середине века более гибкой формы классового господства.

Этот факт получил заметное отражение в целой литературе, не однородной по глубине и тенденции, но, в общем, бесспорно заслуживающей внимания. Сюда относятся книги Ч. Р. Миллса, Рисмена и его школы, Уайта, Пекарда, Фромма и многих других. Некоторые из этих произведений содержат зерна самой серьезной и реальной критики капитализма в его современной форме, но все они так или иначе свидетельствуют о том, что перехитрить законы истории, указанные Марксом, нелегко.

Народы Запада получили в этом веке много новых экономических и культурных преимуществ. Они получили их отчасти в результате собственной исторической самостоятельности, борьбы национальных демократических сил, отчасти вследствие дальновидной или, во всяком случае, не лишенной классового расчета политики правящей элиты, хорошо понимавшей, что означает для нее пример новой России. Эти преимущества часто взяты не прямо, путем самостоятельного овладения, то есть в процессе подъема народных масс, оживляющем все. Они опутаны всякими объективными условиями, делающими их в настоящий момент сравнительно безопасными для хозяев жизни, а иногда и благоприятными для их господства.

Это дары, полученные сверху, вынужденные благодеяния. И везде, где подобный элемент присутствует, где он действительно существует, оказывая свое влияние на «массовое общество», на толпу, — главная причина омертвления жизни ясна. Ибо всякое благо, полученное нами сверху, в готовом виде, без нашего непосредственного участия, не освященное революционной самостоятельностью масс, мертво. Оно превращается в гнетущую вещественную силу, дневной кошмар, вызывая темное чувство протеста, отталкивания от самых передовых достижений цивилизации, испорченных принуждением. Да, все это «не по Марксу», но тем хуже для общества и тем хуже будет для тех, кто задерживает проявление исторической необходимости в более прямой и открытой форме, то есть «по Марксу».

Вот откуда «неустройство среди культуры» и другие признаки, связанные с этим явлением, растущим, как снежный ком. Так доказывает себя историческая необходимость, переведенная марксизмом на язык разума. Ей подвластны все — и белые и красные, и наследники капитала и наследники революции, но особенно подвластны те, кто хочет уйти от нее посредством хитрости или насилия. Даже там, где разумная необходимость не находит себе открытого хода в жизнь, она берет свое другим, более сложным и часто уродливым путем. А если эти осложнения не укладываются в слишком рацио-

нальную, то есть рассудочную схему абстрактного марксизма, значит ли это, что виновата глубокая диалектическая мысль Карла Маркса?

260

В тех изгибах общественного развития, которые представляются часто опровержением самой идеи прогресса, мы видим доказательство ограниченности прогресса, взятого в его половинчатой, несвободной форме, стесняющей самую прогрессивную силу истории — активное и непосредственное участие больших масс людей в управлении своей судьбой. Пока эта задача не будет решена для тех стран, которые являются теперь оплотом капитализма, стран высокого экономического развития и более или менее прочных культурных традиций, пока общественный процесс будет отравлен перевесом движения сверху, создавая различные формы союза стихийности и деспотизма, история еще не раз покажет, что она способна, по выражению Герцена, «давать в сторону». С точки зрения теоретиков так называемого массового общества пороки современной культуры являются следствием вмешательства толпы, грубого большинства. С точки зрения марксизма само образование толпы является следствием устранения масс от прямого участия в серьезных общественных делах.

Материальные силы наделяются духовной жизнью, а человек опускается до уровня простой материальной силы! Этот тезис Маркса привлекает теперь умы и повторяется без конца даже противниками коммунизма. Но мы не должны забывать, что Маркс не только рисует так называемое отчуждение, то есть переход личных связей в вещественные, мертвые, механические. Он показывает также, что «отчуждение» не является самостоятельным роковым фактом, а представляет собой превращенную, иррациональную форму подъема общественных сил. Всякое благо обращается во зло, если общество еще не способно решить свою коренную задачу, имеющую свойство напоминать о себе и повторяться в новых условиях, новых удивительных капризах истории, пока эта задача не будет решена.

Критика современного «неустройства среди культуры», критика немарксистская тоже учится у Маркса. Но она берет у него только одну тему, которую можно выразить словами — «утраченные иллюзии». Весь ход истории, особенно со времен первой французской революции, дает богатый материал для драматического развития этой темы. Великие общественные порывы оканчивались разочарованием, громадные силы, развязанные наукой и промышленностью, обращались против самих людей. Все это теперь настолько известно и, повторяясь, приняло такой общий тип, что может быть понято как формальный закон. Но в таком законе будет схвачена только одна сторона дела, хотя, быть может, самая чувствительная для человека, существа конечного и вместе с тем способного сознавать свое положение в мире и возмущаться им.

Когда вы лежите, уткнувшись носом в грязь под вой пикирующего бомбардировщика, мир — отвратительная нелепость. Однако эту позицию нельзя назвать самой лучшей для принятия общих

выводов. Счастлив тот, кто может обозревать ход вещей с более удобной точки зрения, как мы сейчас пишем о кризисе античного мира в эпоху первоначального христианства или о тех ужасных событиях, которые развернулись в Европе после 1933 года. Лишь бы мы не забыли запах земли, обожженной взрывом тротила, а если нам удалось выбраться из этой дрянной «пограничной ситуации», сохранив голову на плечах чтобы делать выводы, более полные и свободные от непосредственной травмы, это к лучшему. Довлеет дневи злоба его. Сама по себе возможность видеть не только издержки исторического труда, но и общий результат или хотя бы его отдаленные черты, «то, ради чего», по выражению Аристотеля, — большое преимущество.

Гениальная мысль Маркса подтвердилась с такой очевидностью, что ее в испорченном виде готова принять теперь образованная толпа. Маркс говорит нам, что вместе с развитием человеческой свободы растет и область материальной необходимости. Эта общественная основа существования людей в своем стихийном росте господствует над обществом, вместо того чтобы подчиняться сознательному его контролю. Само движение мысли приобретает черты слепого процесса. Стихия выносит на поверхность общественного океана все низменное, посредственное, более близкое к тупой материальной силе, торжествующей над человеческим духом. «И вот сколь малой мудростью управляется мир!» — сказал канцлер Оксенширна.

Но не будем спешить. Именно там, где наши наивные иллюзии и наши чрезмерные ожидания бывают рассеяны жестокой действительностью в результате другого счета, другой, неожиданной для нас игры противоречий, само поражение человечества становится его победой. И снова сияют великие надежды, земля, политая кровью, рождает гигантов, дело идет вперед, опираясь на более широкое и прочное основание.

Так, после французской революции идеи мировой скорби, очень похожие на многие жалобы наших дней, задели широкий слой мыслящих современников. Иллюзии свободы были растоптаны безжалостным шествием демонов капитала и политической власти, развязанных революцией. Но не прошло и нескольких десятилетий, как этот исторический поворот создал более твердую почву для сплочения угнетенных масс, которым в те времена сочувствовали все действительные представители «свободного духовного производства». И новая волна энтузиазма охватила народы Европы. Мир услышал «Порыв» Шумана, этюды Шопена...

На другой день после кровавых схваток 1848 года, закончившихся поражением рабочего класса и революционных демократических партий, капитал праздновал, по выражению Маркса, новое XVI столетие. В общественной психологии утвердился позитивизм с его отрешенной научностью, убежденный в том, что добро и зло — такие же продукты вещественных сил, как купорос и сахар. Ренан пугал европейского филистера восстанием вандалов, песси-

мизм Шопенгауэра нашел себе наконец благодарную публику. А что получилось в результате этого зигзага истории? Расширение почвы борьбы, включение в нее новых народов, международный союз пролетарских партий, хотя и ослабленных недостатком революционной теории и оппортунизмом вождей, но все же грозных для богатого меньшинства.

262

Так в наши дни каждый временный успех обреченного строя жизни обращается против него. Верная сторона по меньшей мере слабой формулы «массового общества», захватывающей только вторичные признаки, состоит в том, что общество частной собственности, пришедшее в результате стихийного развития и невиданной централизации капитала, создает как бы всеобщее закрепощение, стирая четкие классовые грани и образуя множество мелких групп и уровней, различающихся не только по их отношению к производству прибавочной стоимости, но и по их участию в ее разделе, хотя бы фиктивному. Так возникает аморфная масса обывателей, «толпа одиноких лиц», напоминающая времена римского империализма. Ваш пролетарий — абстракция, говорят критики Маркса.

Действительно, развитие позднего капитализма создало многие запутанные положения и новые источники раскола, но в известном отношении оно упрощает картину общественных противоречий. Под тяжкой пятой ассоциированного капитала, управляемого Большим Бизнесом и Большим Государством, происходит процесс образования единой демократической массы, страдающей от одного и того же зла. Рано или поздно эта неожиданная сторона «массового общества» окажется сильнее разъединения, образующего толпу. То, что философы культуры называют «дезагрегацией», «атомизацией» и другими учеными словами, превратится в сплочение народа против общего врага. Это условие, обязательное для успеха всякой социальной революции, ограниченное в прошлом изоляцией рабочего класса от широкой массы мелких людей, нищих собственников, при известных обстоятельствах может возникнуть с быстротою молнии, да и в наши дни оно постоянно дает себя знать в каждом успехе демократического сопротивления замыслам буржуазной олигархии и военщины.

Это значит, что существует историческая моральная сила, превосходящая силу материальную в узком смысле этого слова. О существовании этой превосходящей силы и говорит нам материализм Маркса. Он говорит нам, что духовная власть, которую обретает в ходе истории вещественная необходимость, власть «отчуждения», не безгранична. Даже в самых безвыходных положениях, как бы лишенных свободы выбора, совершается глубокая тайная работа и старый крот роет славно. Все переходит в свою противоположность, в том числе и эта превратность мировой истории.

«Мы, со своей стороны,— говорит Маркс в своей речи на юбилее чартистской газеты,— не заблуждаемся относительно природы того хитроумного духа, который постоянно проявляется во всех этих противоречиях» (12, 4). Английский текст отчета о речи

Маркса гласит: «We do not mistake the shape of the shrewd spirit that continues to mark all this contradictions»\*.

Не подлежит никакому сомнению, что Маркс имел в виду гегелевскую *хитрость разума* — то удивительное, постоянно наблюдаемое в истории отношение, когда ограниченная сила, торжествующая свою победу над более широким потоком общественного движения, сама становится орудием в его руках. И эта хитрость разума дает себя знать именно там, где исчезают перед лицом действительности утраченные нами иллюзии.

Только жестокий опыт современных конфликтов может выработать новый тип людей, способных овладеть стихийными силами прогресса. Задача неслыханно велика. Не только потому, что она требует победы над узкой частью общества, заинтересованной в классовом неравенстве. Справиться с общественным хозяйством и воспитанием масс могут только люди, обладающие громадным знанием дела, способные контролировать свои усилия, сознательно применяя «хитрость разума» и предоставляя врагам революции играть роль марионеток исторического движения, работающих на социализм. Для этого, разумеется, необходимо понимание этой исторической диалектики, разумное отражение ее, то есть революционная теория.

263

«Мы знаем,— говорит Маркс,— что новые силы общества, для того чтобы действовать надлежащим образом, нуждаются лишь в одном: ими должны овладеть новые люди, и эти новые люди — рабочие» (12, 4). Разумеется, не те рабочие, которых торгово-промышленная элита заразила презрением к интеллигенции, к «яйцеголовым». Нет ничего страшнее для старого мира, чем союз рабочего класса с теорией социализма. В большом историческом смысле это соединение произошло уже давно, на практике же оно не всегда совершается и в наши дни. Это большой, трудный процесс, но легкого пути марксизм никогда не обещал.

Что бы там ни было — самые удивительные зигзаги и осложнения этого пути не могут изменить общую перспективу всемирной истории. Целые поколения сойдут со сцены, но дело будет идти своим чередом, устраняя ненужные иллюзии и находя новые источники сил в объективной «хитрости» исторического процесса. Октябрьская революция подтвердила верность этого предсказания Маркса. В один из самых страшных приступов застарелой болезни общества она открыла ему практический выход из «трагедии культуры». Ее призыв к борьбе против войны, одичания, потока реакционных идей, против порабощения масс казенной дисциплиной старого мира и разложения их мертвой обывательщиной, равнодушной к общему делу, останется великой истиной нашего века.

Вы завербованы, отвечают на это критики марксизма. Ваши слова, ваши призывы — тоже идеология. Марксизм, как и другие идеологии, связан с организованной силой, которая хочет овладеть

\* The People's Paper, № 207. London, 1856, IV, 19.

массами и с этой целью пользуется своим волшебным фонарем, чтобы рисовать перед ними картины счастливого будущего. Маркс был великий человек, но он не мог предвидеть, что в XX веке вырастет опасность более страшная, чем капитализм,— подавление личной свободы мощными организациями, регулирование человеческого сознания посредством технических сил. Поскольку революция пользуется этими средствами, она не может служить выходом из трагедии культуры, а скорее углубляет ее. Мы читали Маркса и можем заверить публику, что он устарел...

264

То, что эти господа читали Маркса, не является ложью. В наши дни изучением марксизма занялись иезуитские патеры и протестантские богословы, кабинетные социологи и модные журналисты. Когда-то Маркса обвиняли в том, что его учение является угрозой для установленных веками законов культурного общежития. Теперь говорят другое — Маркс принадлежит прошлому, он недостаточно радикален в определении зла, угнетающего человечество. Религиозные писатели, окрашенные в розовые тона, находят, что марксизму не хватает метафизического понимания этого зла как вечной проблемы, подчиняющей себе все социальные революции. Влиятельные философы толкуют о противоречии между целью и средством. Силы организации и власти, говорят нам, не могут служить возрождению человечества, ибо эти средства вырываются из рук и портят самую благородную цель. Мотивы подобной критики Маркса входят теперь даже в программную литературу некоторых партий, объявляющих своей целью социализм.

Но Карл Маркс не стоит безоружным перед лицом этой предвзятой и, в сущности, жалкой критики. С какой иронией мог бы он смотреть на эти ученые хороводы мятущихся душ, занятых поисками волшебной палочки для возвращения личности ее центра в себе, освобождения ее от «деперсонализации», «отчуждения» и других зол. Среди напряженной борьбы реальных сил, какой еще не знала история, люди ищут удобную позу, способную обеспечить подобие индивидуальной жизни.

Невольно приходит на ум пьеса английского писателя Осборна «Оглянись во гневе», которую московский зритель имел возможность видеть в хорошей постановке Манковица-Левенштейна. Автор обращается к старой теме, перенесенной в современные условия. Его молодые люди не похожи на героев Байрона, Мюссе, Стендаля, это люди средней интеллигентности, затерянные где-то между гигантских колес общественного механизма, но для них также все закрыто, все исчерпано, и на этот раз, кажется, до конца. Когда окружающий мир становится им особенно тошен, молодые люди Осборна затевают домашнюю игру, состоящую в паясничанье. Этой иронической гримасой они хотят установить свое моральное алиби, свое неучастие в потоке собственной жизни.

Таковыми поисками морального алиби являются все рецепты освобождения личности от вещественных сил, которые предлагают современному человечеству самые сильные, самые влиятельные умы

за пределами нашего марксистского исповедания. Такой домашней игрой, дающей на время выход невыносимой горечи жизни, когда она подступает к самому горлу, являются также различные изошрения сверхсовременного искусства. Все эти поиски внутренней позы, подчеркнута независимой, быстро вырождаются в промысел и, говоря словами Ганса Фрайера, так же поставляются, как патентованные товары.

Чтобы избавить современную культуру от грозящего ей омертвления, нужно стать на почву реальной жизни со всеми ее противоречиями и опасностями. Тут уже не приходится думать о спасении души. Какое дело миру до того, что ты останешься чистым в своем углу? Мораль, основанная на спасении души, в прямом или переносном смысле слова, всегда отравлена эгоизмом, и людям, занятым устройством своего внутреннего комфорта, нельзя гордиться даже перед злодеями.

265

Историей созданы громадные общественные силы — силы экономической и политической организации, формирующие жизнь личности со всех сторон. Любая из этих сил может вырваться из-под контроля общества и стать источником бедствия. Но только в самом зле может быть и лекарство от него. «Новые люди», способные совершить великий перелом, предсказанный Карлом Марксом, должны овладеть этими силами, пользуясь ими для возрождения человечества, если они не хотят превратиться в секту проповедников царства божия внутри нас.

Опыт веков говорит, что такая проповедь никогда не приводила ни к чему реальному, кроме укрепления рабства и возвышения особой касты, берущей на себя роль общественной совести. Стало быть, этот путь не годится. Его отвергает Маркс в своей речи на митинге после окончания Гаагского конгресса Интернационала. Остается путь власти. Овладение ею может быть мирным в одних странах (в 1872 году Маркс считал, что это возможно, по крайней мере, в Америке и Англии), оно может потребовать применения силы в других.

Но разве такие средства, как насилие, не искажают цель, не подвергают коммунистов опасности самых страшных ошибок, не ставят их на одну доску со старым, грязным обществом? Мы можем ответить критикам марксизма словами Энгельса. Объясняя датскому социалисту Триру свой взгляд на отношение целей и средств, мирных и насильственных, он писал: «Такая политика требует пронизательности и характера, но какая же политика этого не требует? Она подвергает нас опасности коррупции, говорят анархисты и друг Моррис. Да, если рабочий класс состоит из глупцов, безвольных людей и просто-напросто продажных негодяев, тогда самое лучшее нам тотчас же убираться восвояси, тогда пролетариату и всем нам нечего делать на политической арене. Пролетариат, как и все другие партии, быстрее всего учится на своих собственных ошибках, и никто не может полностью уберечь его от этих ошибок» (37, 276).



Спор о насилии — одна из обычных тем современной общественной мысли. В открытом насилии не нуждаются те классовые силы, господство которых достаточно прочно и без него, ибо это господство опирается на экономическую власть, разобщение нации, привычку держать руки по швам и другие подобные факторы. Элемент принуждения невидимо присутствует во всем. Тираж меняет значение идей. В некоторых странах можно ругать правительство, но это часто бывает похоже на изображение говорящего человека в кино, когда звука нет. Для любой идеи нужен звук. Реклама и постоянное настойчивое внушение известных оттенков мысли суть реальные факторы, действующие принудительно без палки, а всякое представление о свободном движении идей, лишенных земного тяготения, — мечта обывателя, живущего в счастливой Аркадии своего невежества.

Только очень наивный человек может думать, что радиостанции западных держав хлопочут о недостатках жизни в других странах из чистой любви к человечеству. За ними — гора денег и грозный призрак власти. Неглупые люди, нанятые расчетливым хозяином, излагают его заинтересованную точку зрения, делая это складно, добросовестно, иногда с юмором или чувством собственного достоинства, как любой служащий в хорошем коммерческом заведении.

Человек XX века знает или, по крайней мере, должен знать, что атмосфера невесомости добра, его свободы от материальных фактов и сил, обманчива. Спокойствие силы не дает сильному никакого морального права гордиться своим миролюбием, тем более что при первой необходимости он показывает зубы. Либерализм, бесспорно, лучше политики концлагерей и крематориев, но пропаганда идей формальной демократии как безусловной ценности есть лицемерие, в лучшем случае это наивность.

Поэтому не отказ от практических средств, а действительный контроль над вещественными силами общества, невозможный без сочетания фактической власти с оживляющим ее нравственным содержанием народного подъема, — вот путь марксизма. Дело не в том, что существуют хорошие и плохие средства. Наука — хорошее средство, а сколько зла она может принести в нечистых руках! На эту тему написано множество фантастических романов, да и сама действительность страшнее любой фантазии. С другой стороны, насилие — дурное средство. Само по себе оно отвратительно, однако решимость применить оружие в правом деле есть признак нравственного мужества. «Есть ли разница между убийством с целью грабежа и убийством насильника?» — спрашивал Ленин\*.

В самом деле, чем можно ответить на этот вопрос, требующий прямого выбора? Идеей мирного сопротивления злу? Но даже сторонники этой теории завели у себя танки и самолеты, как только они создали свое государство. Идеалом чистой науки? Но за последние десятилетия наука так запуталась в делах мира сего, что

\* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 364.

ею злоупотребляют не меньше, чем любой революционной идеей. Стоять же воплощенной укоризной над своей эпохой, придумывая для нее устрашающие названия, вроде «эпохи дезагрегации», «эпохи отчуждения», «эпохи страха», это вообще не выход для серьезной мысли, это нравственная поза, не более.

При известных обстоятельствах насилие есть неизбежная, хотя и тяжелая необходимость. Было бы недостойным тактическим приемом отрицать тот факт, что Маркс говорит об этом с неустрашимой честностью, презирая мещанские фразы. Но только для обывателя, спокойного или взбесившегося под влиянием мировых событий, суть революции состоит в насилии. На деле это лишь одна из ее сторон, и далеко не главная.

Вопрос о насилии можно рассматривать с двух точек зрения — с точки зрения революционной целесообразности и с точки зрения нравственной. Первая точка зрения в высшей степени важна, но из нее вовсе не следует предпочтению более быстрого насильственного пути. Каково будет дальнейшее течение дел, обратное действие наших поступков, направленных к принудительному изменению ситуации в нашу пользу? Вот вопрос. Это верно, что у Маркса все подчиняется революционной цели. Но что действительно целесообразно, что действительно полезно для революции? Внешняя, показная и временная целесообразность может быть прямо противоположна действительной. Для Маркса нет понятия цели без знания объективной исторической истины. Простой нажим, «нахрап», как говорил Ленин, форсированное применение насильственных средств в стремлении опередить действительное развитие обстановки может привести к неожиданным результатам. В тот самый момент, когда люди воображают, что они подчинили себе стихийные силы, они часто становятся игрушкой этих сил и работают не на себя, а на других.

Кто на кого будет работать — люди революционных партий на «отчуждение» или само «отчуждение» на них? Этот вопрос требует знания теории общественного развития, трезвого расчета и предвидения всех возможных, более отдаленных последствий. Односторонним развитием системы политической целесообразности его решить нельзя, так же как фразами о революции и даже геройскими жестами. При всем различии внутренних мотивов, такие карикатуры на революционную науку Маркса имеют в себе нечто общее, — они являются отступлением от марксизма к незрелым идеям мелкобуржуазной революционности.

В своей речи против Августа Виллиха и его фракции (сентябрь 1850 г.) Маркс сказал: «Вместо материалистического воззрения Манифеста выдвигается идеалистическое. Вместо действительных отношений главным в революции изображается *воля*» (8, 582). Учение Маркса и вытекающее из него понятие революционной целесообразности нельзя смешивать с «волей к власти» в бланкистском, бакунинском или ницшеанском смысле, как нельзя смешивать «большевизм» с «боевизмом». Такое смешение, замеченное

Лениным еще в эпоху первой русской революции, может вырасти в грозную опасность, когда движение охватывает целые континенты. Надежда на то, что напряжением сильной воли можно «тащить победу за волосы», и соблазнительна, и ужасна по своим последствиям.

268

Для Маркса целесообразное действие не есть простое вторжение революционных сил в чуждый мир вещей и обстоятельств, как это часто изображается посредством грубых демагогических фраз или тонких философских символов. Маркс говорит о десятилетиях отчаянной борьбы, нужной для того, «чтобы изменить существующие условия и чтобы сделать самих себя способными к господству». Последнее, то есть умение контролировать самих себя, отделить революционную волю от произвола, за которым следует неизбежная расплата, так же необходимо для «новых людей», людей рабочего класса, как и первое. В целом обе эти стороны образуют диалектический процесс взаимодействия, тем менее болезненный, чем больше он поднимается над уровнем стихийности, чем больше участие в нем революционной теории.

Меры насилия, бесспорно необходимые для защиты от насильника, могут достигнуть цели при одном условии — когда применение этих опасных средств связано с политическим ростом рабочего класса и всей демократической массы. Победы, самые практические, самые материальные, становятся камнем на шее, если они отталкивают большинство или делают его равнодушным к общему интересу. Напротив, частные неудачи, даже поражения, взятые с точки зрения простого расчета материальных сил, не так важны, как успех в деле подъема массы людей над их исторической пассивностью, победа коммунистических идей в сознании миллионов. Так, именно так проявляет себя высший принцип революционной целесообразности. Вот что дороже всего, сильнее всего, и любое средство воздействия, от печатного станка до атомной боеголовки, имеет значение лишь на фоне подъема этой всеобщей силы.

Здесь мы отчасти уже переходим к оценке насилия с точки зрения нравственности. Эта оценка есть и в марксизме, хотя ему совершенно не свойственны елейные речи моралистов. Маркс с большим уважением относится к таким мыслителям, как Макиавелли, Гоббс, Мандевиль, Никола Ленге или Гегель, которых мешанское воображение считало безжалостными. Правда выше жалости, сказал один русский писатель. Читая произведения и письма Ленина времен гражданской войны, мы видим, какие страшные меры пришлось принять и одобрить этому человеку, известному своей личной самоотверженностью и гуманным отношением к людям. Мы не краснеем за эти меры. Человечество не краснеет за взятие Бастилии, за бомбы народовольцев, за выстрелы в спину гитлеровским насильникам. Без героического насилия революционных эпох не могло быть ничего хорошего на земле — ни человеческого достоинства, растущего в массах, ни поэзии Гёте и Пушкина, ни музыки Бетховена, ни лучших страниц советской литературы.

Младенец, принесенный в жертву для счастья всего человечества, — это мелодрама, продукт больной фантазии Ивана Карамазова, хотя младенцы гибли всегда, гибнут и сегодня в самых справедливых войнах, ведущихся, как известно, для защиты женщин и детей. Но уничтожить человека даже виновного, самого большого насильника — не так просто, хотя бы сам Алеша Карамазов подписал приговор: «Расстрелять!» И не только казнь, любое насилие, даже незначительное принуждение, творимое ради лучшей цели, чревато большой опасностью. Оно выделяет людей, исполняющих эту общественную функцию, дает им особую власть, создает привычку к принуждению и может вызвать цепную реакцию зла. Итак, если, по выражению Маркса, непротивление злу есть «гнусная, позорная доктрина, пригодная лишь для старых баб», то справедливое насилие тоже имеет свои границы и где-то колеблется на переходе в свою противоположность. Есть разница между убийством насильника и убийством ради грабежа, но не так просто ее сохранить.

269

Должен быть выход из этой нравственной антиномии, и он есть, приблизительный, как все человеческое, но реальный. Кто знает доклад Маркса Гаагскому конгрессу Интернационала о тайном альянсе бакунистов или его критику книги Бакунина «Государственность и анархия», не усомнится в том, что марксизм отвергает насилие, творимое «деспотической и иерархической тайной организацией», ставящей себе цель осчастливить слепое большинство посредством казенных методов старой монархии. В таком понимании революционного действия есть нечто унижающее народную массу, а не поднимающее ее к самостоятельной деятельности. Даже прямые благодеяния, не говоря уже об утеснениях, безнравственны, если они способствуют подчиненному положению и пассивности масс. В большом историческом смысле это последняя отрывка барства, хотя, например, такой соратник Бакунина, как Нечаев, был чистокровным плебеем, потенциальным народным Бисмарком или Бонапартом.

Вся деятельность Карла Маркса, которому вульгарные демократы и анархисты никогда не могли простить его роли ученого в революционном движении, проникнута глубокой верой в историческую активность народов. И это не было для него делом революционного примитивизма, позицией человека, желающего прикоснуться к живительному роднику народной почвы, раствориться в «коллективных представлениях» толпы. Маркс не говорит, подобно Огареву: «Пойдем, брат, в пролетарии!» Его основной идеей был интеллектуальный и нравственный подъем рабочего класса.

В чем состоит единственная возможная гарантия превращения вещественных сил и средств, созданных человеческим обществом, в подчиненную ему, покорную стихию? Она — в революционно-критической практике, поднимающей миллионы существ, смятых капитализмом (превращенных им в «фабричный товар природы», по выражению Шопенгауэра), на уровень самостоятельного общест-

венного творчества, доступного самой широкой массе людей и получившего реальное отражение в их судьбе. Какие бы обвинения ни предъявляли социалистической революции ее враги или скептики, громадный приток новых людей снизу, раскрепощение их способностей и энергии больше всего говорит в пользу коммунизма. Опыт русской революции показал, что соединение политической организации с массовой самодеятельностью может творить чудеса. И, несмотря на все трудности и ошибки, это только начало. Весь исторически неизбежный ход вещей говорит нам, что еще большие чудеса впереди. Недаром великий продолжатель дела Маркса — В. И. Ленин с такой настойчивостью развивал эту идею марксизма, ссылаясь на опыт Парижской коммуны и наших Советов, на сочетание почина, самостоятельности, свободы движения, энергии, размаха снизу — и добровольного, чуждого шаблонов, централизма.

В процессе сплочения, борьбы за единство воли народных масс возможны и оправданы вынужденные суровой обстановкой меры устрашения, сами по себе жестокие. Но не насилие здесь играет главную роль, а именно сплочение, единство воли. Ленин говорил: «Единая воля не может быть фразой, символом. Мы требуем, чтобы это было на практике. Единство воли на войне выражалось в том, что если кто-либо свои собственные интересы, интересы своего села, группы ставил выше общих интересов, его клеймили шкурником, его расстреливали, и этот расстрел оправдывался нравственным сознанием рабочего класса, что он должен идти к победе. Про эти расстрелы мы открыто говорили, мы говорили, что мы насилие не прячем, потому что мы сознаем, что из старого общества без принуждения отсталой части пролетариата мы выйти не сможем. Вот в чем выражалось единство воли. И это единство воли на практике осуществлялось в наказании каждого дезертира, в каждом сражении, в походе, когда коммунисты шли впереди, показывая пример» \*.

Мысль Ленина состоит в том, что хозяйственное строительство требует других форм единства воли, чем война, что насилие над мелким хозяином есть нелепость, что необходимо «моральное воздействие на крестьянство». Но единство воли, сплочение, товарищеская дисциплина остаются главной силой рабочего класса и в мирное время. Только на фоне растущего «нравственного сознания» масс может быть оправдано применение тех или других принудительных мер — без этого самые целесообразные и мягкие формы управления были бы отравлены казенщиной. С другой стороны, ошибки и злоупотребления возможны и в подъеме общественной активности, но перспектива здесь уже другая, полная исторического оптимизма. «Восходящей силе все помогает, — писал Герцен, — преступления и добродетели; она одна может пройти по крови, не замаравшись, и сказать свирепым бойцам: «Я вас не знаю, — вы мне работали, но ведь вы работали не для меня».

\* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 307—308.

Нелегкое бремя возложила история на плечи наших современников. Однако средство, способное расколдовать человеческую жизнь, лишив ее «отчужденного» характера, есть. Оно состоит в пробуждении общественной энергии масс. Учение о диалектическом взаимодействии людей и обстоятельств в процессе революционного изменения мира, подготовленное всем развитием философии начиная с Аристотеля, является вместе с тем самым тонким созданием гения Маркса. В нем — ответ на загадку истории, ключ к решению как бы неразрешимых проблем, в которых часто теряется современная мысль. Учение Маркса объясняет нам, каким образом человек, определяемый или даже, если угодно, фабрикуемый всей совокупностью технических сил и вещественных обстоятельств современной эпохи, может овладеть духовной свободой, доступной ему в пределах жизни отдельной личности, стать выше самого себя и достигнуть наибольшего возможного счастья в братском объятии миллионов.

Это неправда, что марксизм смотрит на человека только с технической стороны, что он видит в нем безгласное орудие материальных сил. Деятельность парижских рабочих, создавших Коммуну, Маркс сравнивал с творчеством великого английского поэта Мильтона. В первом наброске «Гражданской войны во Франции» Маркс говорит: «Они делали свое дело открыто, просто, в исключительно трудной и сложной обстановке, и делали его так же, как Милтон писал свой «Потерянный рай», то есть за очень скромное вознаграждение, действуя на глазах у всех, не претендуя на непогрешимость, не скрываясь за канцелярской канителью, не стыдясь сознаваться в своих ошибках, исправляя их» (17, 549—550). Это была настоящая деятельность, в отличие от казенщины чиновников империи.

Сравнение с Мильтоном может показаться неожиданным, но оно приобретает особый интерес, если вспомнить, что в экономических рукописях Маркса 60-х годов, в так называемых «Теориях прибавочной стоимости», не раз встречается образ английского поэта. Труд Мильтона служит Марксу примером истинно творческой деятельности, не считающейся с оплатой, глубоко заинтересованной в самом содержании дела, в его своеобразии и качестве. Это образец труда продуктивного, производительного «с общественной точки зрения».

Другая точка зрения объективно присуща капиталистическому производству. Здесь все должно служить безличному идолу накопления. В рамках капитализма писатель является производительным работником не потому, что он производит идеи, а потому, что он обогащает издателя его сочинений. «Например, Милтон, написавший «Потерянный рай» и получивший за него 5 ф. ст., был *непроизводительным работником*. Напротив, писатель, работающий для своего книготорговца на фабричный манер, является *производительным работником*. Милтон создавал «Потерянный рай» с той же необходимостью, с какой шелковичный червь производит шелк.

Это было действительное проявление его природы. Потом он продал свое произведение за 5 ф. ст. А лейпцигский литератор-пролетарий, фабрикующий по указке своего издателя те или иные книги (например, руководства по политической экономии), является *производительным работником*, так как его производство с самого начала подчинено капиталу и совершается только для увеличения стоимости этого капитала» (26, ч. 1, 410).

В этом пункте учение Маркса оставляет достаточно места для свободного действия, для перехода от сущего к должному, от естественно-исторической необходимости к нравственному закону. Можно и нужно перевернуть традиционное положение вещей, открыть дорогу *принципу Мильтона* — творческому, бескорыстному труду, найти способ оценки всякого труда и всякого творчества «с общественной точки зрения», то есть по его действительной продуктивности, сделать великое великим и лишить ничтожное его страшной власти. Тогда от «трагедии культуры» останется одно воспоминание. Эту задачу может решить только социализм, и он решает ее практически в тысяче опытов организации новой экономики и общественных отношений. Какая необъятная масса труда, сколько побед и разочарований, сколько соблазнов для слишком поспешных выводов в духе детского оптимизма или пошлого неверия!

Мильтон, создавший «Потерянный рай» подчиняясь своей натуре, в отличие от писателя, фабрикующего книги ради внешней цели, и сознательный рабочий, стоящий у колыбели нового общественного строя, в отличие от чиновника старого государства, для Маркса — два проявления одной и той же исторической силы.

Эта сила — революционная самодеятельность, ведущая народы к социализму, то есть подлинная свобода.